

УДК 347

Некоторые историко-правовые аспекты ликвидации присяжной адвокатуры

Лагодзинская Юлия Сергеевна

Аспирант,

Российская академия адвокатуры и нотариата,

105120, Россия, Москва, Малый Полужарославский пер., 3/5;

e-mail: collegium_mka@mail.ru

Аннотация

В статье исследуется процесс ликвидации присяжной адвокатуры в России. Автор приходит к выводу, что ликвидация присяжной адвокатуры происходила в нескольких формах: формально-юридической (упразднение института присяжных поверенных декретом о суде от 24 ноября 1917 г.); организационной (принятие практических мер в конце 1917-1918 гг. по прекращению деятельности советов присяжных поверенных и роспуску учреждений царской юстиции); физического устранения (высылки, репрессии вплоть до расстрела в 1918-1938 гг.) присяжных поверенных как «бывших людей» и носителей буржуазного правосознания.

Ключевые слова

Присяжная адвокатура, присяжные поверенные, советы присяжных поверенных, ликвидация адвокатуры.

Как известно, присяжная адвокатура была создана в ходе судебной реформы императора Александра II, начатой указом от 20 ноября (3 декабря по новому стилю) 1864 г. Пер-

вые советы присяжных поверенных начали работать в 1866 году, а после Октябрьской революции 1917 г. адвокатура, как и все учреждения царской юстиции, была ликвидирована.

В исследованиях на эту тему (особенно советского периода) процесс этой ликвидации, как правило, рассматривается как одномоментный и связывается с изданием соответствующих «ленинских декретов» о суде. Однако реальный процесс выглядел, на наш взгляд, несколько иначе.

К 1917 году, несмотря на все трудности становления и развития, русская адвокатура являлась достаточно крупной и значимой структурой.

Под влиянием начавшейся февральской революции царь Николай II в 15 часов 2 марта 1917 г. подписал манифест об отречении от престола Российского и о сложении с себя верховной власти, передав престол брату, великому князю Михаилу Александровичу; последний, в свою очередь, издал акт об отказе от восприятия верховной власти впредь до установления в Учредительном собрании образа правления и новых основных законов государства Российского¹. После февральской революции, в период девятимесячного пребывания у власти Временного правительства, адвокатура была одним из основных

источников, из которых новый режим черпал необходимые ему опыт и знания. Достаточно просто отметить, что помимо А.Ф. Керенского, занявшего пост министра юстиции, а позже – премьер-министра, из присяжных поверенных были назначены все пять министров юстиции, четверо из 22 членов первого департамента и двое из 9 членов второго департамента Правительствующего Сената².

Однако Временное правительство подготовило документы о выборах в Учредительное собрание лишь к началу осени, а уже в конце октября 1917 г. большевики захватили власть вооружённым путём. В этой связи небезынтересно, что юрист и социолог П.А. Сорокин, анализируя в работе «Социология революции» (1923) поведение правящих слоев в различных революциях, писал: «Власть «не умеет хотеть» и «не знает, чего она хочет». Она «обдумывает», «созывает совещания», без конца говорит, пытается действовать, но вяло, нерешительно, противоречиво. Так было с римским Сенатом, с Вацлавом и Сигизмундом,

1 См.: Российское законодательство X-XX веков. / Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. – Т. 9. – М.: Юрид. лит., 1994. – С. 121-122, 126-127.

2 См.: Юджин Хаски. Российские адвокаты и советское государство. Происхождение и развитие советской адвокатуры. 1917-1939. – М., 1993. – С. 27. См. также: «Право», 1917 г. – № 12. – С. 717-718.

с Карлом I, Людовиком XVI, Николаем II и т. д. Массы, напротив, недостаточно думают и взвешивают свои акты и их результаты, зато обнаруживают стихийную энергию и решительность. Более того, сказанное объясняет, почему власть старого режима, перехваченная «интеллигентными» группами, редко остаётся в их руках. Их губит интеллигентность. Вместо действия – они говорят, говорят и говорят, и говорят блестяще и прекрасно, пишут самые тонкие резолюции с «постольку-поскольку», всесторонне обдумывают вопросы, готовят без конца план действий, время уходит, энергия тратится на «словесность» и в итоге ... нуль действия. Забывая, что в такие эпохи «действие должно быть быстрым, а бесконечный вербализм парализует его», интеллигентные группы, становясь китайскими мандаринами, неизбежно готовят себе крах. Так было в русской революции, где власть Советов первого созыва и Временного правительства состояла в значительной мере из представителей интеллигентных слоев. Вместо действия – они «говорили», начиная с «главноуговаривающего» главы власти, вместо дел – сочиняли бесконечное число головомных резолюций, проектов и планов действий, с непре-

менными оговорками «постольку-поскольку», с «двумя Сциллами и двумя Харибдами». Мудрено ли поэтому, что они «проговорили революцию» и проявили импотентность не меньшую, чем импотентность царского правительства»³.

Октябрьская революция 1917 г. (невольными катализаторами которой были и русские присяжные поверенные, активно защищавшие низвергателей самодержавия всех мастей в политических процессах) смела саму присяжную адвокатуру. Пунктом 3 Декрета о суде № 1 от 24 ноября 1917 года устанавливалось: «Упразднить донныне существовавшие институты судебных следователей, прокурорского надзора, а равно и институты присяжной и частной адвокатуры»⁴. В роли защитников или поверенных допускались «все неопороченные граждане обоего пола, пользующиеся гражданскими правами»⁵.

Этот декрет по всей стране был встречен большинством присяжных поверенных крайне негативно. Например, 10 января 1918 г. на объединён-

3 Сорокин П.А. Социология революции. – М.: Астрель, 2008. – С. 390-391.

4 Цит. по: Смирнов В.Н., Усманов Р.Р. История адвокатуры Среднего Урала. – Екатеринбург, 1999. С. 291.

5 Там же.

ном собрании Екатеринбургского суда, как магистратуры, так и адвокатуры, было принято решение не сотрудничать с Советской властью. Через день этот суд был закрыт большевиками, но в Екатеринбурге коллегия правозаступников в 1918 г. фактически так и не была образована⁶.

О процессе ликвидации присяжной адвокатуры в Петербурге рассказал в своих воспоминаниях известный присяжный поверенный Б.Л. Гершун: «В первые дни февральской революции толпа разгромила и подожгла здание судебных установлений на Литейном проспекте. Сгорели все дела суда, крепостной архив, делопроизводство и богатая библиотека Совета присяжных поверенных. С опасностью для жизни одному из служащих Совета и сторожам удалось спасти украшавшие зал заседаний портреты старейшин сословия – Спасовича, Герарда, Потехина, Люстига, Турчанинова и других, работы Репина и Серова. Совет перенёс свою деятельность в помещение Адвокатского клуба в Спасском переулке. (...)»

Адвокатские общие собрания протекали очень бурно, причём стра-

сти особенно разгорались по поводу всяких «внеочередных заявлений» политического характера. Помню собрание в Тенишевском зале, в котором присяжный поверенный Прушицкий, член партии левых эсеров, произнёс речь, полную издевательств над сословными традициями и «косностью» Совета. Была уже почти полночь, когда слова потребовал Карабчевский. Отвечая Прушицкому, он произнёс одну из лучших своих речей. В деликатной форме он отметил радикализм молодого товарища, тепло говорил о радикализме молодёжи вообще и с исключительным тактом напомнил обо всем, что Совет и сословие сделали для русского общества. Когда он кончил, собрание разразилось давно не слыханными бурными рукоплесканиями. Было постановлено отпечатать речь Карабчевского и разослать её всем членам сословия.

21 ноября 1917 г., т. е. уже после большевицкого переворота, состоялось многолюдное общее собрание, на котором весь прежний состав Совета был переизбран. Но уже через три дня и. о. председателя Совета М. Бернштам доложил нам о только что изданном декрете советского правительства о закрытии судов, уничтожении адвокатского сословия и закры-

⁶ См.: Смирнов В.Н., Усманов Р.Р. История адвокатуры Среднего Урала. – Екатеринбург: Гуманитарный университет, 1999. – С. 110, 111.

тии всех сословных органов. Почти без совещания, Совет принял резолюцию: «Деятельности Совета не прекращать».

Однако уже следующему заседанию Совета не пришлось состояться в помещении суда. В конце ноября в комнаты Совета явились служащие Народного Комиссариата Юстиции и опечатали все дела и самое помещение. Правителю дел Совета С.Т. Иванову удалось спасти список членов сословия с адресами, часть дел и денежные книги. Захват канцелярии Совета произвёл в сословии удручающее впечатление. Мало кто, и меньше всего сами большевики, верили тогда в продолжительность их властвования, и Совету ни на минуту не приходила в голову мысль прекратить свою деятельность и порвать многолетнюю связь между адвокатами и Советом только из-за декрета большевиков.

Было решено собираться на частных квартирах, а затем Совет нашёл приют в опустевшем доме в Козмодемьянском переулке, в котором когда-то жил В.О. Люстиг. Была заведена новая канцелярия и помещительная столовая, где можно было получать незамысловатые бутерброды и чай. Большевики не могли не знать о существовании Совета, но нас пока

не трогали. Мы возобновили работу – требовались быстрые ответы на злобы дня, нужно было давать сословию руководящие указания: как быть в новых условиях жизни, как пережить «временное», как тогда казалось, положение, чтобы в том близком будущем, в котором мыслилось восстановление адвокатуры, она могла без ущерба для своего имени возобновить прерванную работу.

Самым острым из возникших тогда вопросов был: выступать ли в большевистских судах? Старые суды были уничтожены, появились «народные судьи», набранные из рабочих, прислуги, полуинтеллигентов, бывших писцов и нередко даже из преступных элементов. Юристов среди народных судей в первое время почти не было, и суд решал дела по «революционной совести». О привычных гарантиях правосудия не могло быть и речи: классовый суд творился по произволу. Перед нами встал вопрос: в праве ли адвокат принимать участие в этой пародии на суд? Не поддерживает ли он этим режим, который осуждён на скорое падение? Но выдвигались и соображения другого порядка: не обязан ли адвокат, всегда и при всех условиях, становиться на защиту поправленного права? Разве в царское

время адвокаты не выступали в политических процессах, формы которых не всегда соответствовали правилам справедливости? Вопросы эти горячо дебатировались в адвокатских кружках и среди членов Совета.

Совет признал для членов условия недопустимым выступать в Народных судах и общее собрание, состоявшееся в широких кулуарах Тенишевского училища, значительным большинством одобрило занятую Советом позицию. Первым нарушителем этого постановления оказался А.В. Бобрищев-Пушкин, бывший главным оппонентом Совета на общем собрании. Не помню, было ли на него наложено за это дисциплинарное взыскание.

В период Козмодемьянского переулка образовалась новая группа, так называемой, «адвокатской молодёжи», во главе которой стояли М.Л. Гольдштейн и С.А. Беляцкий. К ней примкнули многие старшие коллеги. На собраниях группы читались доклады, и самым выдающимся событием в жизни группы был доклад А.С. Зарудного о Керенском. Затянувшийся на два заседания доклад носил характер «развенчивания» Керенского. На большинство присутствующих доклад произвёл неприятное впечатление: все помнили почти слепое поклонение За-

рудного перед Керенским и было тяжело видеть, что он теперь возненавидел Керенского за то, что тот не оправдал все те преувеличенные надежды, которые он же на него возлагал.

Материальное положение адвокатуры всё ухудшалось. Единственным доступным в то время видом труда были юрисконсультства, а также выступления в постоянном третейском суде, образованном Советом съездов деятелей торговли и промышленности, в котором дела рассматривались по старым, тогда уже отменённым законам. Но эти виды деятельности давали адвокатской массе лишь случайный заработок.

Вскоре на службе в большевистских комиссариатах оказались адвокаты – старые большевики, как Н.Н. Крестинский, Стучка и др., и те, которые бегают в хвосте каждого успеха. Уже в начале 1918 г. перед Советом возник вопрос: как быть с адвокатами, перешедшими на службу к большевикам? Было решено прежде всего разослать анкету, в которой, наряду с вопросом о материальном положении адвокатов, был также поставлен вопрос: «не находитесь ли вы на службе и на какой?». Опросный лист был разослан всем адвокатам в начале августа 1918 г. и эта анкета, по-видимому, перепол-

нила чашу терпения советской власти. Через несколько дней после рассылки анкеты помещение Совета в Козмодемьянском переулке было опечатано и никто больше в него не допускался. Совет снова стал собираться на частных квартирах. Было постановлено прекратить рассмотрение дисциплинарных дел и приём новых прис. поверенных и помощников, но не прекращать деятельности Совета, как представительного органа сословия.

24 августа был издан декрет Совнаркома об учреждении Коллегии правозаступников, а затем в газете «Северная Коммуна» появилось объявление «инициативной группы прис. пов.» о созыве общего собрания для обсуждения вопроса о вступлении адвокатов в эту коллегию. Совет ещё несколько раз собирался с участием М.В. Бернштама, который специально для этого вернулся в Петербург, хотя его разыскивала Че-Ка. Позиция, принятая Советом, изложена в отредактированном мною, по поручению товарищей, определении:

«Не может быть сомнения, что после 53-летнего существования адвокатура Петроградского Судебного Округа (за исключением выделившейся из её состава адвокатуры Прибалтийского края) дошла до такого положения, при

котором она не может отправлять свои профессиональные обязанности на тех началах, которые заложены в Судебных Уставах. Независимость адвокатуры от администрации, свобода самоуправления, свобода в выборе дел, свобода высказываемого суждения – вот те принципы, развитию которых и претворению в жизнь была посвящена вся полувековая история русской адвокатуры. Вне этих начал нет свободной адвокатуры, и поскольку она не может их осуществлять, постолько она не может и не должна существовать. При несоблюдении хотя бы одного из этих условий нет адвокатуры, а будет лишь зависимая и не-свободная защита частных интересов, будут профессионалы по ведению дел, но не будет того адвокатского сословия, которое является предпосылкой настоящего правосудия. И лучше Петроградской адвокатуры, которая более полувека несла свой труд на служение обществу и народу, прекратить своё существование, чем претерпеть такие изменения в своей организации, которые лишат её тех основных предпосылок и принципов, без которых невозможно её существование, как свободной адвокатуры.» (...)

Собрание состоялось 22 сентября в зале Городской Думы. Когда мы за несколько минут до 2-х часов под-

нимались по лестнице Думы, до нас уже долетал гул голосов. Мы застали зал переполненным. Можно было с уверенностью сказать, что все адвокаты, имевшие малейшую возможность, явились на это собрание. На взгляд можно было насчитать около 300-400 человек. Председателем был избран А.А. Исаев. После некоторого молчания я взял слово и кратко объяснил собранию постановление Совета и мотивы, по которым Совет пришёл к такому решению. После этого взял слово Бобрищев-Пушкин и в очень осторожной форме критиковал позицию, занятую Советом. Он предложил собранию вынести постановление о вступлении всего сословия в правозаступники. После него говорил Зак, который уже не критиковал Совет, а с благодарностью отметил его деятельность за последний тяжёлый год. Эти слова были прерваны оглушительными рукоплесканиями, настоящей овацией по адресу членов Совета. Когда аплодисменты смолкли, Зак предпочёл своей речи не продолжать.

Отвечая Бобрищеву-Пушкину, я вкратце повторил доводы, изложенные в определении Совета, и в заключение сказал:

«Недопустимо, чтобы Петроградская адвокатура изменила самым

основным принципам сословия – свободе и независимости – и вписала такую мрачную страницу в историю русской адвокатуры. Лучше распустить сословие и закрыть Совет. Честная смерть лучше позорного существования. Каждый теперь волен определить свой образ действий и избрать свою профессию. Пробил последний час адвокатуры. Бог весть, когда начнётся её продолжение».

Дорн, стоявший возле меня, громко разрыдался. Напряжённое состояние аудитории разразилось новой овацией по адресу Совета. Затем говорил Кальманович, который в краткой и очень умной речи поддержал позицию Совета.

Председатель собрания Исаев предложил одобрить действия Совета и признать, что вопрос о вступлении в правозаступники – личный вопрос каждого, а предложение Бобрищева-Пушкина о коллективном переходе в правозаступники отклонить. Резолюция была принята поднятием рук – за неё голосовало подавляющее большинство.

Этим собранием закончилось существование Петербургской адвокатуры»⁷.

7 Гершун Б.Л. Воспоминания адвоката // The New Review – Новый журнал. – 1955. – № XLIII. – Р. 134-152.

Однако ликвидация адвокатуры как организации в Советской России не означала, что люди, входившие в неё, бесследно исчезли. Сотни и тысячи присяжных поверенных, в один миг оказавшись не у дел, были вынуждены начинать жизнь заново. Одни (таких было меньшинство) постарались найти себя в структурах нарождающейся власти и новом обществе, другие, не разделяющие принципы, идеи и методы большевистского правительства, уехали за рубеж.

Следует отметить, что оставшиеся в стране присяжные поверенные автоматически попали в категорию «бывших людей», как называли представителей различных привилегированных социальных групп царской России после революции. По отношению к ним власть проводила систематическую дискриминационную политику⁸. Апофеозом этой политики стало практически полное физическое уничтожение «бывших людей» в периоды террора (с 1918 г., и особенно в 1935-1938 гг.). В частности, в феврале-марте 1935 г. в Ленинграде органами НКВД была проведена так называемая операция

«Бывшие люди», в ходе которой из города выселено более пяти тысяч семей «бывших». На допросах «с пристрастием» формировали «контрреволюционные организации»; например, стараниями НКВД была создана «фашистская террористическая группа бывших правоведов» из 14 человек. В результате «операции» только «особой тройкой» УНКВД СССР по Ленинградской области было осуждено 28588 человек, из них 13384 человека – к расстрелу. Как установлено, никакой реальной опасности для государства «бывшие люди» не представляли. Описывая эти события, доктор исторических наук В.А. Иванов отмечает: «Операция «бывшие люди» завершила разгром оставшихся на родине представителей российской элиты, деятелей в прошлом личностей, обладающих опытом государственного руководства, людей высочайшего благородства и культуры, не востребованных политическим режимом в интересах культурного строительства Отечества»⁹.

Таким образом, ликвидация присяжной адвокатуры происходила в нескольких формах: формально-

8 См.: Смирнова Т.М. «Бывшие люди» в социальной структуре и повседневной жизни советского общества (1917-1936 гг.): автореферат дисс. ... докт. ист. наук. – М.: Институт российской истории РАН, 2010. – 53 с.

9 Иванов В.А. Операция «Бывшие люди» в Ленинграде (февраль-март 1935 г.) как «зачистка» прошлой России. / Исторические чтения на Лубянке: 1997-2008. – М.: Кучково поле, 2008. – С. 201, 212, 214, 215.

юридической (упразднение института присяжных поверенных декретом о суде от 24 ноября 1917 г.); организационной (принятие практических мер в конце 1917-1918 гг. по прекращению деятельности советов присяжных

поверенных и роспуску учреждений царской юстиции); физического устранения (высылки, репрессии вплоть до расстрела в 1918-1938 гг.) присяжных поверенных как «бывших людей» и носителей буржуазного правосознания.

Библиография

1. Гершун Б.Л. Воспоминания адвоката // The New Review. – Новый журнал. – 1955. – № XLIII. – Р. 134-152.
2. Иванов В.А. Операция «Бывшие люди» в Ленинграде (февраль-март 1935 г.) как «зачистка» прошлой России. / Исторические чтения на Лубянке: 1997-2008. – М.: Кучково поле, 2008. – 368 с.
3. Право. – 1917 г. – № 12. – С. 717-718.
4. Российское законодательство X-XX веков. / Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. – Т. 9. – М.: Юрид. лит., 1994. – 562 с.
5. Смирнов В.Н., Усманов Р.Р. История адвокатуры Среднего Урала. – Екатеринбург, 1999. – 360 с.
6. Смирнова Т.М. «Бывшие люди» в социальной структуре и повседневной жизни советского общества (1917-1936 гг.): автореферат дисс. ... докт. ист. наук. – М.: Институт российской истории РАН, 2010. – 53 с.
7. Сорокин П.А. Социология революции. – М.: Астрель, 2008. – 784 с.
8. Юджин Хаски. Российские адвокаты и советское государство. Происхождение и развитие советской адвокатуры. 1917-1939. – М., 1993. – 183 с.

Some historical and legal aspects of the elimination of legal profession

Lagodzinskaya Yuliya Sergeevna

Postgraduate student,
Russian Academy of Advocacy and Notaries,

P.O. Box 105120, Mal'yi Poluyaroslavskii lane, No. 3/5, Moscow, Russia;
e-mail: collegium_mka@mail.ru

Abstract

The subject of the article is the process of liquidation of legal profession in Russia. The aim of the study is to reveal key steps in the process of liquidation of legal profession – the formal abolition, taking imperative measures to eliminate organizations of legal profession and the physical elimination of their participants. This paper based on the recollections of jurors can be used in the study of the role of lawyers in Russia in its historical context. The author concludes that the elimination of legal profession took place in several forms: technical (the abolition of legal profession by decree on the court on November 24, 1917), organizational (practical provisioning at the end of 1917-1918 on the halt of activities of boards of attorneys at law and the dissolution of the imperial institutions of justice); physical elimination (expulsions and repressions up to execution in 1918-1938) of attorneys at law as "former people" and as circulators of bourgeois legal sense.

Keywords

Legal profession, attorneys at law, boards of attorneys at law, liquidation of legal profession.

References

1. Gershun, B.L. (1955), "Lawyer's memoirs. The New Review" ["Vospominaniya advokata. The New Review"], *Novyi zhurnal*, No. XLIII, pp. 134-152.
2. Ivanov, V.A. (2008), "The operation "Former People" in Leningrad (February-March 1935) as a "clean-up" of bygone Russia", *Historical Readings on Lubyanka: 1997-2008* ["Operatsiya "Byvshie lyudi" v Leningrade (fevral'-mart 1935 g.) kak "zachistka" proshloi Rossii", *Istoricheskie chteniya na Lubyanke: 1997-2008*], Kuchkovo pole, Moscow, 368 p.
3. *Pravo*, No. 12, pp. 717-718, 1917.
4. *Russian law in X-XX centuries. The legislation of the epoch of bourgeois-democratic revolutions* [Rossiiskoe zakonodatel'stvo X-XX vekov. Zakonodatel'stvo epokhi

- burzhuzno-demokraticeskikh revolyutsii*], Yurid. lit., Moscow, 1994, Vol. 9, 562 p.
5. Smirnov, V.N., Usmanov, R.R. (1999), *The history of advocacy of the Middle Ural* [*Istoriya advokatury Srednego Urala*], Yekaterinburg, 360 p.
 6. Smirnova, T.M. (2010), *"Former People" in the social structure and everyday life of Soviet society (1917-1936): Author's thesis* ["*Byvshie lyudi*" v sotsial'noi strukture i povsednevnoi zhizni sovetskogo obshchestva (1917-1936 gg.). *Avtoreferat diss. ... dokt. ist. nauk*], Institut rossiiskoi istorii RAN, Moscow, 53 p.
 7. Sorokin, P.A. (2008), *Sociology of revolution* [*Sotsiologiya revolyutsii*], Astrel', Moscow, 784 p.
 8. Yudzhin Khaski (1993), *Russian lawyers and the Soviet state. The origin and development of the Soviet legal profession. 1917-1939* [*Rossiiskie advokaty i sovetskoe gosudarstvo. Proiskhozhdenie i razvitie sovetskoi advokatury. 1917-1939*], Moscow, 183 p.